

VIII.

Поэтъ не ошибался въ своемъ предсмертномъ провиденіи. "Если отыскивались и, быть можетъ, не разъ еще отыщутся отдельные судьи, неправедные и немилостивые, то въ общемъ "живой, кровный союзъ" межъ нимъ и всеми "честными сердцами" установился прочно, и, нужно думать, съ годами онъ будетъ лишь расти и крепнуть. Но Некрасову пришлось вести долгую и тяжелую борьбу для того, чтобы завоевать общее признаніе.

"Если бы дать больше места выдержкамъ изъ отзывовъ критики, то каждый наглядно убедился бы, какъ долго и упорно печать наша не признавала всей силы поэтического значенія Некрасова, и какъ публика сама поняла и полюбила поэта. Некрасовъ занялъ самъ, съ бою, безъ союзниковъ, свое настоящее положеніе въ русской литературе".

Такъ писалъ въ 1879 г. С. И. Пономаревъ въ послесловіи къ первому посмертному изданію стихотвореній поэта, которое онъ редактировалъ. Въ самомъ деле, просматривая три части изданнаго г. Зелинскимъ "Сборника критическихъ статей о Некрасове" (доведеннаго лишь до 1877 г.), мы видимъ, что въ теченіе почти всехъ сороковыхъ годовъ критика наша хранила о поэте глубокое безмолвіе, а за следующее десятилетіе появилось всего лишь несколько незначительныхъ отзывовъ, въ одномъ изъ которыхъ Эрастъ Благодеровъ писалъ: "Трудно найти стихотворца, который былъ бы меньше поэтъ, чѣмъ Некрасовъ". Авторъ другого отзыва - Аполлонъ Григорьевъ заявлялъ (уже въ 1855 г.), что не находитъ поэзіи въ доселе напечатанныхъ стихахъ Некрасова, за исключеніемъ лишь стихотворенія къ падшей женщине ("Когда изъ мрака заблужденья...")

Вышедшее въ 1856 г. первое изданіе стихотвореній Некрасова было раскуплено публикой съ изумительной быстротою, но въ печати не вызвало ни одной статьи, ни одной самой коротенькой рецензіи!

Объясняется это, конечно, темъ, что "Современникъ", отражавшій взгляды и настроеніе молодой Россіи, въ сердце которой стихи Некрасова нашли такой сочувственный откликъ, издавался самимъ поэтомъ, и на страницахъ этого журнала похвала Некрасову не могла найти себе места. Одинъ только разъ Добролюбовъ (и, то не называя имени Некрасова, хотя имея въ виду, очевидно, его) высказалъ мнѣніе, что Пушкинъ, Лермонтовъ и Кольцовъ уже нашли себе достойнаго продолжателя... Что касается остальныхъ органовъ печати, то они находились въ рукахъ людей поколенія отживающаго, понимавшаго поэзію прежде всего, какъ служеніе "красоте". Само собой разумеется, что въ такихъ критикахъ поэзія Некрасова въ лучшемъ случае вызывала недоуменіе...

Только въ начале 60-хъ годовъ, когда свежая струя общественности широкимъ потокомъ разлилась по всемъ уголкамъ -обновленной Россіи, отравившись прежде всего на печати, последняя сразу заговорила о Некрасове, какъ о признанномъ уже "властителе сердець" молодого поколенія. Въ это время, какъ бы поддавшись общему энтузіазму, переменили о немъ въ лучшемъ мнѣніи и наиболее искренніе представители поколенія старшаго, вроде Ап. Григорьева, который съ восторгомъ отзывался теперь о "народномъ сердце" Некрасова и о "почвенности" его поэзіи.

Но, вотъ, схлынула живая волна... "Призванная къ порядку", русская жизнь опять начала замирать и принимать "благообразный" видъ. Свежіе, молодые голоса замолкли, и это опять не вакецпило сказаться на отношеніяхъ критики въ Некрасову. Къ тому же, послѣдній самъ не устоялъ въ этотъ тяжелый періодъ на прежней высоте и, поскользнувшись, далъ новую пищу злорадству враговъ; клевета "снежнымъ комомъ" покатила по Руси, по родной"... Наиболее тяжелымъ и мучительнымъ для Некрасова моментомъ былъ 1869 годъ. Г. г. Антоновичъ и Жуковскій недавніе друзья, поддавшись чувству мелкаго, самолюбиваго озлобленія, выпустили противъ Некрасова целую обличительную брошюру, "Матеріалы для характеристики современной русской литературы", где, развенчивая Некрасова, какъ журналиста и человека, пытались подкопаться и подъ его поэзію. "Вамъ такъ же легко перестроить вашу лиру на совершенно новый ладъ,-- развязно обращался г. Антоновичъ къ Некрасову,-- какъ вашему другу (?) г. Краевскому легко променять прежній образъ мыслей на новый; вы съ одинаковымъ увлеченіемъ и искусствомъ можете и восхвалять, и порицать одинъ и тотъ же предметъ, вамъ

ничего не стоит метать громы гражданского негодования в какого-нибудь вельможу, швейцарь которого отогнал от его, подъезда "деревенских русских людей", а завтра рабски льстят ему и прославляют его доблести восторженным мадригалом; вам нужна только тема, какова бы она ни была, а вы уже обработаете ее поэтически..." Словом, отрицалось в поэте всякая искренность, всякое убеждение.

Нечего и говорить, что, не смотря на искусную и сильную отповедь И. А. Рождественского, в том же году выпустившего -- безъ ведома Некрасова - ответную брошюру "Литературное падение г. Антоновича и Жуковского", во враждебном Некрасову литературном лагере нападки на него встретили самый восторженный прием. Страхов писал в "Заре": "Наиболее значительная часть нашей печати (либеральная) живет одною фальшью, сознательно и постоянно кривит душою. Не раздастся ни одного искреннего, прямого голоса; все лукавитъ, иезуитствуетъ, прислуживается (!), все покорно гнетъ передъ чьимъ-нибудь или передъ кемъ-нибудь свою совесть и свои помыслы... Книжка г. Антоновича и Жуковского представляет, очевидно, реакцию. Лжи накопилось столько, что, наконецъ, сознание ея начинает прорываться наружу... Обличение Некрасова важно для техъ, кто виделъ въ немъ некоторое светило либерализма; но многие, и давно уже, смотрели иначе. Самые стихи Некрасова, въ которыхъ такъ много говорится о народныхъ страданияхъ, давно уже, не смотри на ихъ несомненные замечательныя достоинства, признаны (?) не выражающими полного сочувствия народу, не проникнутыми его действительнымъ пониманиемъ. Это - сатиры, карикатуры, излияния хандры и желчи, и лишь изредка правдивыя и неискаженныя картины" (въ качестве примера того, "какъ мало сходится Некрасовъ съ народомъ въ своихъ сочувствіяхъ и воззреніяхъ", Страховъ указывалъ на пожелание поэта, чтобы русскій народъ понесъ съ базара Белинского и Гоголя!).

Въ томъ же 69 г. выступилъ съ своими "разоблаченіями" Тургеневъ, опубликовавшій въ "Вестнике Европы" известныя письма Белинского... А вследъ затемъ тотъ же Тургеневъ, раздраженный недостаточно почтительнымъ, по его мненію, отзывомъ "Отеч. Записокъ" о поэзіи Полонскаго, выступилъ въ "С. -Петербург. Ведомостяхъ" съ открытымъ письмомъ, въ которомъ говорилось: "Я убежденъ, что любители русской словесности будутъ перечитывать лучшіе стихи Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова покроется забвениемъ. Почему же это? А просто потому, что въ деле поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ белыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высиженныхъ измышленияхъ "скорбной" музы г. Некрасова еято, поэзіи-то, и нетъ на грошъ".

И такіе отзывы, къ стыду русской литературы, нигде не вызвали въ свое время резкаго, негодующаго отпора, -- опять-таки, быть можетъ, потому, что все наиболее свежія литературныя силы группировались вокругъ "От. Зап.", во главе которыхъ стоялъ самъ Некрасовъ. Даже въ середине 70-хъ годовъ не въ редкость было встретить на страницахъ журналовъ нелепое мненіе, будто Некрасовъ приобрелъ себе значеніе въ родной литературе "только оригинальными, новыми мотивами, а отнюдь не силой и глубиной содержания"; или даже - будто "поэзія Некрасова вырабатывалась въ либеральныхъ редакціяхъ и служила постоянно какъ-бы иллюстраціей направлений, попеременно господствовавшихъ въ известной части журналистики". О поэме "Кому на Руси жить хорошо" одинъ критикъ писалъ (и тоже нигде не встретилъ отпора): "поэма эта принадлежитъ къ такимъ, о которыхъ гораздо пріятнее было бы хранить молчаніе".

Слухи о тяжелой болезни поэта и последовавшая затемъ, въ конце 77 г., смерть его вызвали настоящій взрывъ непритворной скорби въ обществе и въ молодежи, -- тотчасъ же смолкли и все враждебные голоса въ печати: со страницъ газетъ и журналовъ въ теченіе целаго года не сходили сочувственныя некрологическія статьи и разборы стихотвореній Некрасова; вышли и отдельные сборники, посвященные памяти поэта... Но уже въ 78 г. на столбцахъ либерально-буржуазнаго "Голоса" возобновлено было въ самой резвой форме нападеніе: появились, въ пяти огромныхъ фельетонахъ, на шумевшія въ свое время "Критическія беседы" небызвестнаго г. Евгенія Маркова... Эти широковещательныя беседы, якобы безпристрастно отмечавшія недостатки и достоинства некрасовской поэзіи, а, въ сущности, стремившіяся доказать ея ничтожество и эфемерность, имели большой успехъ въ техъ кругахъ общества и литературы, которые и до того съ плохо скрываемою неприязнью относились въ необычайной популярности Некрасова. Г. Марковъ задалъ тонъ и собралъ матеріалъ, можно сказать, для всей последующей отрицательной критики, и отзвуки его "Беседы" явственно слышались даже

двадцать лет спустя, в двадцати-летнюю годовщину смерти поэта. Мы думаем, не мешает поэтому (особенно в виду того, что "Голос" представляет теперь библиографическую редкость) изложить с некоторой подробностью критику г. Евгения Маркова.

Некрасов,-- утверждает критик "Голоса",-- поэт предшествовавшей освобождению крестьян эпохи. Проникнутый сознанием коренного общественного зла, он видит роковую безобразность даже в сферах жизни, повидимому, не имеющих связи с крепостным бытом. У читателя получается впечатление какого-то предвзятого намерения не останавливаться ни на каких других явлениях мира, кроме излюбленных (?) автором. Преувеличение, неестественность, надутость, сентиментальность и риторика - роковые последствия такой односторонности... Этим поэт вызывает и несочувствие читателя к той самой среде, которая выставляется жертвою безобразия... Защищая русский народ против Некрасова, г. Марков в качестве примера приводит стихотворение "Родину", где, будто бы, чудовищно-неверно утверждение, что русские крепостные "завидовали житью последних барских псов"... "Кто, например, узнает,-- патетически восклицает критик,-- ту охоту, которая обыкновенно наполняла радостью удали не только охотника-барина, но и псарей его, и лошадей, и собак (какова собачья идиллия! П. Г.) в неверной и мрачной картине "Псовой охоты" Некрасова? Лира Некрасова - вообще патологическая лира: песни "О погоде", например, не столько поэзия, сколько "воркотня досужаго капризника"... Изображения народного быта, народной души и даже народная речь в его стихах полны фальши, неискренности и тенденциозности. Многочисленные примеры, приводимые г. Евгением Марковым, мы опустим, упомянем лишь об одном, которым критики Некрасова пользуются охотно и доныне. В стихотворении "Тишина", говоря об окончании Крымской войны, поэт прибегает к такому образу: *"Прибитая к земле слезами рекрутских жен и матерей, пыль не стоит уже столбами над бедной родиной моей"*. Г. Андреевский, следуя примеру г. Евгения Маркова, подсмеивался: "Этот невообразимый дождь, освеживший большую дорогу, совершенно нестерпим" ("Литер. Чтения" 1891 г.). Между тем, прекрасная и сильная, на наш взгляд, метафора Некрасова становится вполне понятной, если взять ее в связи с следующими стихами из той же "Тишины":

..... Надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчный скрипъ тележный,
Печальный, какъ народный стонъ;
Русь поднялась со всехъ сторонъ,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всехъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей...

Какъ известно, изъ этихъ "пкорныхъ сыновей" лишь "немногие вернулись съ поля", и поэт имел полное основание сравнить съ потоками дождя слезы, пролитые рекрутскими женами и матерями... Казалось бы, надъ чемъ тутъ зубоскалить?..

Некрасову по плечу,-- продолжает г. Марков,-- только сказочное геройство, баснословный идиотизм, голубиное смирение, кровожадность тигра. Он не постигает средних типов {Некрасов изображается здесь, как ультра-романтик. Но вся поэзия его, глубоко-реальная и правдивая, служит красноречивым опровержением такого мнения. Упомянем только об одной стороне некрасовской поэзии, которой до сих пор нам не пришлось коснуться. Это - любовная лирика. У поэтов предшествовавших, не исключая Пушкина и Лермонтова, любовь изображается всегда в праздничные ее моменты, является как бы принаряженной и приподнятой; Некрасов перенес любовь с неба на землю, в обстановку будничных, реальных человеческих отношений, он рисует чувства людей именно средняго, а не героического типа.}. Искренним мыслителем - поэтом и безпристрастным наблюдателем - художником он бывает только один час из десяти натянутого и выдуманного сочинительства. Вина всего этого - жизнь в кружках, которые действовали не путем поэтического и художественного воспитания общества, а - логического убеждения, научного знания, практических интересов... Под влиянием кружков, Некрасов поднимал знамя тенденциозной поэзии, но, как все выдуманное, насильственное, как всякий улюдокъ, она осуждена остаться без потомства: "лишенная одушевляющего огня и

искренности, какъ можетъ она холодными процедурами своего творчества зажечь божественную искру въ новомъ организме?.."

Некрасовъ, по мненію г. Маркова, до того тенденціозенъ, до того свыкъся съ необходимостью громить крепостное право, что чуть-ли не готовъ отрицать самый фактъ освобожденія (игривая мысль, которую охотно повторяли потомъ гг. Андреевскіе, Красновы и ихъ присные). Некрасовъ былъ поэтомъ исключительно отрицанія, отрицаніе же есть только преходящій моментъ. Въ творческомъ духе поэта были скудны элементы любви (!)... "Побольше любви!" - укоризненно наставляетъ въ заключеніе г. Марковъ Некрасова, а кстати ужъ и "родственнаго ему" Щедрина, умевшихъ только "отрицать" и совсемъ не умевшихъ любить...

Тому, кто знаетъ Некрасова и Щедрина, конечно, нечего разъяснять, какъ много самодовольной узости и приторной фальши въ этихъ "либеральныхъ" назиданіяхъ.

За последнія двадцать летъ въ критике появилось мало новаго и интереснаго о некрасовской поэзіи. Следуетъ отметить разве только упомянутую уже статью г. Андреевскаго, въ которой много злого остроумія и красивыхъ софизмовъ, и конечный выводъ которой таковъ: "Вкладъ Некрасова въ вечную сокровищницу поэзіи гораздо меньше его славы, его имени".

Съ середины 80-хъ годовъ, когда въ литературе почуялось заметное охлажденіе въ мужику, въ народу, и имя Некраеова все реже и реже стало мелькать на страницахъ журналовъ. Выплыли на сцену вопросы личнаго совершенствованія, личной морали; шумно прокатилась мишурная волна "эстетическаго идеализма" и доморощеннаго декадентства... Увлеченіе марксизмомъ обещало, казалось, значительное отрезвленіе, -- возвратъ искусства къ реализму, въ социальнымъ интересамъ, хотя и съ перенесеніемъ центра вниманія съ мужика на городского пролетарія; но тутъ случилось нечто странное и неожиданное: марксизмъ въ собственномъ, безпримесномъ его виде почти нисколько не отразился въ нашей художественной литературе и въ художественной критике... Заявляли о себе и шумели одни только марксисты "не настоящіе", марксисты-индивидуалисты, марксисты-нишванцы, марксисты-символисты... Эти господа, понятно, не могли любить Некрасова и его простую, безхитростную поэзію, чуждую всякихъ современныхъ кривляній и вычуръ!

Къ счастью, движеніе впередъ, въ сторону все большей демократизаціи литературы и искусства, продолжается безостановочно и непрерывно, и видимые зигзаги и отступленія въ нашемъ общественномъ развитіи не имеютъ въ последнемъ счете особеннаго значенія. Литература у насъ не впервые отстаеетъ отъ жизни, и судить о вкусахъ и настроеніи наиболее бодрыхъ и жизненныхъ круговъ общества по мненіямъ гг. Андреевскихъ, Мережковскихъ, Бердяевыхъ, Булгаковыхъ et tutti quanti, -- было бы совершенно неосновательно. Некрасовъ ни въ какомъ случае не можетъ быть названъ забытымъ и отжившимъ свое время поэтомъ. Стихотворенія его, довольно дорогія по цене, раскупаются съ прежней, если не большей быстротою. Но если бы даже на "верхахъ" нашей много всякихъ видовъ издавшей интеллигенціи и, действительно, можно было подметить некоторое охлажденіе къ музе мести и печали, то жизнь съ каждымъ днемъ все заметнее выдвигаетъ впередъ новаго, свежаго читателя, могучаго какъ своей численностью, такъ и все побеждающей верой въ торжество света и правды. Не сегодня - завтра этотъ новый читатель заполнитъ всю жизненную сцену, и никакого сомненія не можетъ быть въ томъ, что для Некрасова онъ явится "читателемъ-другомъ".

Какъ ночные призраки, разлетятся тогда и растаютъ туманомъ все современные "символизмы", поиски "новой красоты" и "новыхъ настроеній". Жажда правды - вотъ настроеніе, которое одно имеетъ передъ собой будущее! Светлое и широкое будущее предстоить поэтому "Музе мести печали", не устававшей твердить:

Пускай намъ говорить изменчивая мода,
Что тема старая - страданія народа,
И что поэзія забыть ее должна, --
Не верьте, юноши: не стареетъ она!

П. Ф. Гриневиць.

